

Портрет Т. С. Пассек

О Татьяне Сергеевне Пассек // Российская археология. - 2003. - № 3. - С. 156-165

Когда в 1947 г. я познакомился с Татьяной Сергеевной Пассек, она была одной из центральных фигур в советской археологии. Ее имя знали все археологи СССР. Слышали о ней и более широкие круги. Помню статью тех лет в журнале “Советская женщина”, печатавшемся на многих языках, с портретом Пассек и фотографиями ее находок. Грустно, что сегодня надо напоминать о столетии со дня ее рождения и что статью к юбилею писать пришлось мне

Рис. 1. Т.С. Пассек, 15 августа 1963 г.

Что же произошло за полвека? Перефразируя Маяковского, можно сказать: мы говорим Пассек — подразумеваем Триполье, говорим Триполье — подразумеваем Пассек. Трипольской культуре посвящены четыре книги и десятки статей Татьяны Сергеевны. Она отдала этой теме 40 лет. разработала периодизацию культуры, раскопала несколько важных ее памятников. Как в театре бывают роли выигрышные (“самоигральные”) и не выигрышные, так и среди археологических материалов есть более и менее выигрышные. Триполье, безусловно, из числа выигрышных: изящные расписные сосуды, статуэтки людей и животных, поселения со сложной планировкой и элементами архитектурного оформления построек. Это производит впечатление на всех. Сравним хотя бы со срубной культурой, занимавшей не менее обширную территорию и не менее важной в ранней истории Восточной Европы. Грубо слепленные горшки, жилища-землянки интересны для археологов, но не для сторонних наблюдателей.

Открывший Триполье в конце XIX в. В.В. Хвойко видел в носителях этой культуры предков славян. Естественно, к открытию проявили пристальное внимание историки. Схема Хвойки: с непрерывной линией развития от Триполья — к скифам, от них — к культуре полей погребений, а от нее к славянским памятникам — почти без изменений излагалась в 1944 г. акад. Н.С. Державиным в официозной брошюре “Происхождение русского народа”, в статьях тех же лет П.Н. Третьякова и Б.А. Рыбакова.

В этом контексте изыскания Пассек выглядели значительней, чем сегодня, когда схема Хвойко оставлена, а трипольцев считают скорее предками фракийцев, чем славян. К тому же все памятники трипольской культуры оказались теперь вне пределов России — на Украине и в Молдавии.

На современников всегда оказывает влияние личность исследователя, для следующих поколений трудно уловимая. Татьяна Сергеевна была писаная красавица: хорошего среднего роста, пропорционально сложенная брюнетка с правильными чертами лица, плавными движениями, с уложенной вокруг головы толстой косой и широкими черными бровями, придававшими ее облику особую выразительность. К этим природным данным добавлялось превосходное воспитание. Она была неизменно ровна, тактична, в меру оживлена, приветлива, умела вовремя пошутить. Собеседников подкупало выражение заинтересованного внимания на ее лице.

Были у нее верные друзья и поклонники, пронесшие свои чувства через всю жизнь, но нельзя сказать, что Пассек пользовалась всеобщей любовью. Основной фон в археологии, чем дальше, тем больше, составляли не выходцы из старой интеллигенции, а те, кого в 1920-1930-х годах называли выдвигенцами. Люди вроде Т.С. Пассек казались в этой толпе белыми воронами. Ее называли “советской княгиней”, “советской графиней Уваровой”.

Те, кто участвовал в экспедициях Пассек (я был с ней на Днестре в 1949 г.), знали ее иной: очень увлеченной своей работой (рис. 2). Помню ее восклицание: “Как это волнительно!”. Те, кто посещал театры и концерты, часто встречали там Татьяну Сергеевну — тонкого ценителя

искусства. Ну а те, кто общался с ней в домашней обстановке, запомнили ее как интересного собеседника, безусловно глубокого человека. Она близко знала Д.Д. Шостаковича, Н.А. Обухову, талантливого, рано умершего актера М.М. Названова — своего дальнего родственника — и других видных деятелей нашей культуры. Со дня смерти Т.С. Пассек прошло более трети столетия. Как же рассказать о ней?

В 1963 г. к шестидесятилетию Пассек журнал “Советская археология” заказал о ней статью ее ближайшей ученице Е.К. Черныш. Не сомневаюсь, что Татьяна Сергеевна внимательнейшим образом отредактировала этот текст (Черныш, 1963. С. 5-9). Позднейшие публикации — некрологи, разделы в других изданиях — повторяют приведенный в 1963 г. набор фактов. Между тем биографии советской эпохи всегда неточны: что-то в них замалчивается, а что-то неоправданно выставлено на первый план. Нужны архивные изыскания, чтобы нарисовать более объективную картину. По словам Е.К. Черныш, незадолго до смерти Татьяна Сергеевна уничтожила свои дневники и, видимо, большую часть переписки. Об этом нельзя не пожалеть. Письма близкого друга Пассек Б.А. Латынина, опубликованные Н.Г. Горбуновой и Н.К. Качаловой, — ценный источник по истории нашей археологии и, в частности, к биографии Татьяны Сергеевны.

Попробую передать то, что мне удалось собрать о жизни Пассек, именно о жизни, а не о ее научной деятельности. Об этом достаточно подробно говорилось ранее (Евтюхова, 1969. С. 236-241; Научная деятельность..., 1970. С. 3-7; Мерперт, 2000. С. 185-188).

Рис. 2. Т.С. Пассек на раскопках.

Между датой рождения (15 августа 1903 г.) и датой поступления в ВУЗ (1920) в официальной биографии пробел. Есть лишь повторяющиеся всюду слова о прадедушке и прабабушке по отцу: В.В. Пассеке и Т.П. Пассек (Кучиной) — друзьях А.И. Герцена — и бабушке по матери А.Н. Пешковой-Толиверовой — участнице гарибальдийского движения. И то и другое верно. Но многочисленных потомков известной еще в XVII-XVIII вв. семьи Пассек Татьяна Сергеевна

совсем не знала. Бабушка же Толиверова была сестрой милосердия у Гарибальди в юные годы, а позднее печаталась в самых разных изданиях, вплоть до пресловутого “Нового времени”, и известна более как автор поваренных книг и рассказов для детей. Внучка должна была ее помнить, поскольку бабушка умерла, когда ей было уже 15 лет.

Напоминание о предках не говорит о революционных традициях семьи. Это дань времени. Традиции семьи были не революционные, а вполне обычные для дворянского круга: хорошее воспитание, знание французского языка, лучшая петербургская гимназия, поездки в Париж.

В автобиографии, сданной в дирекцию ИИМК 4 апреля 1950 г. (Архив ИА РАН. Р-6. № 83), Татьяна Сергеевна сообщала, что ее отец Сергей Владимирович окончил юридический факультет Петербургского университета и служил в Министерстве финансов. Он не эмигрировал и работал после революции по специальности. Умер в 1933 г. Родители Т.С. Пассек разошлись в 1913 г. Мать Вера Сергеевна вышла замуж вторично за инженера-технолога Владимира Александровича Чоглокова. И он не эмигрировал и пошел на службу

6

советской власти. После его смерти в 1931 г. Вере Сергеевне, которая никогда не работала, дали персональную пенсию. Таким образом, близкие Татьяны Сергеевны выбрали путь сотрудничества с новой властью, а не эмиграции. Однако даже добросовестная служба коммунистам не спасала от репрессий. В.А. Чоглоков побывал на допросах в ГПУ, хотя избежал обвинения. Об отчине Татьяна Сергеевна всегда говорила хорошо. Отмечала, что он привил ей серьезное отношение к деньгам, умение тратить их разумно.

Поступив в гимназию в 1914 г., Татьяна Сергеевна окончила в 1920 уже советскую трудовую школу. Дальнейшую учебу она продолжила в Петербургском археологическом институте. В 1922 г. институт был передан как отделение в Петроградский университет. Его и окончила Пассек по отделению археологии в 1923 г.

Высшие учебные заведения в 1920-1923 гг. по духу еще дореволюционные. Возглавлял отделение проф. А.А. Миллер. В разговорах Татьяна Сергеевна вспоминала о нем очень тепло, восхищалась его лекциями по первобытному искусству, когда преподаватель умело воспроизводил мелом на доске рисунки палеолитических художников. Но в печатных работах Пассек упоминаний о Миллере нет. В 1934 г. он был арестован по “делу славистов” (или Русского музея), выслан в Казахстан, где через год умер. Пассек училась у историков и искусствоведов, сформировавшихся на грани XIX и XX вв. Денег на полевую практику студентов у вузов не было, и на раскопки они не ездили.

На I курсе Пассек познакомилась со студентом Борисом Александровичем Латыниным. Он был старше ее (род. в 1899 г.), уже кое-что повидал в жизни и принадлежал к тому же кругу дворянской петербургской интеллигенции, что и она. Латынин стал близким другом и верным поклонником Татьяны Сергеевны до конца своих дней.

После окончания курса Латынин и Пассек были оставлены при университете для дальнейшей подготовки по специальности. Ученые степени и диссертации были отменены в 1918 г., но аспирантура с 1926 г. при ЛГУ была учреждена; и Пассек, и Латынин стали аспирантами.

Тема “квалификационного сочинения” Пассек — “Трипольская керамика”. Кто подсказал эту тему, неясно. В официальной биографии упомянуты А.А. Спицын, Б.Л. Богаевский и И.И. Мещанинов. Спицын исследовал трипольское поселение Колодистое, Богаевский и Мещанинов писали о расписной керамике, но нельзя забывать и о А.А. Миллере. Его статьи 1920-х годов шли в русле начатой еще до революции А.А. Спицыным и В.А. Городцовым работы по систематизации и классификации древностей России. Миллер создал классификацию древностей Северного Кавказа. Тогда же сложились периодизации памятников эпохи палеолита П.П. Ефименко (для Русской равнины), Г.А. Бонч-Осмоловского (для Крыма), С.Н. Замятнина (для Кавказа), хронологические колонки для Минусинской котловины

С.А. Теплоухова и для Волго-Окского бассейна Б.С. Жукова. На материалах керамики Пассек должна была предложить классификацию коллекций из поселений трипольской культуры, хотя не видела еще ни одного поселения и ни одной коллекции в украинских музеях.

Во второй половине 1920-х годов сбылась мечта молодых археологов: они впервые побывали на раскопках и смогли поехать по стране, знакомясь с коллекциями музеев.

Гражданская война окончилась. Был введен нэп. Казалось, на родине налаживается нормальная жизнь. Средствами на экспедиции располагали тогда не старые научные центры, а национальные республики. Подъем их экономики и культуры власти считали более важным, чем развитие русских областей. Так возникла экспедиция Азербайджанского музея во главе с И.И. Мещаниновым. Активным участником ее стал А.А. Миллер, имевший большой опыт полевой работы. Миллер и пригласил в экспедицию своих учеников. Пассек и Латынин приняли участие в раскопках Ходжалинских курганов конца бронзового века и в исследовании ряда других памятников в Нагорном Карабахе и Нахичеванской автономной области.

В 1926 и 1927 гг. в Баку в “Известиях Общества обследования и изучения Азербайджана” вышли три статьи, написанные совместно

Пассек и Латыниным (я не буду давать ссылки на упоминаемые публикации Пассек. Список их см. (Евтюхова, 1969. С. 239-241)).

Пассек и Латынин побывали тогда и в Тбилиси, и в Ереване. Оба обращались к кавказским древностям и позднее. Вместе с А.А. Иессеном Татьяна Сергеевна составила ценную сводку “Золото Кавказа” (1935), а в 1937 г. исследовала Джафарханский могильник раннего железного века в Муганской степи.

Другое важное событие этих лет — поездки с Латыниным по музеям Юга России. Ездили с марта по октябрь поездом в бесплацкартных вагонах и на всяком попутном транспорте. Начали с Запада. В 1925 г. были в Одессе и Умани. Постепенно, расширяя область обследования, к 1930 г. добрались до Нижнего Поволжья (Судьба ученого, 2000. С.

Наиболее удачными были поездки 1928 и 1929 гг. в Брянск, где музеем заведовал хороший краевед С.С. Деев. Пассек и Латынин изучили собранные им коллекции, осмотрели памятники около Брянска, уделив особое внимание могильникам среднеднепровского типа в Речице и Брасове. В 1946 г. Пассек опубликовала важную статью о среднеднепровской культуре в целом.

В Днепропетровском музее археологов заинтересовали два каменных изваяния воинов с оружием скифского типа. Заметка об этих стелах положила начало изучению монументального искусства скифов. Она увидела свет в сборнике в честь А.А. Спицына, выпущенном А.М. Тальгреном в Хельсинки. С ним завязалась оживленная переписка.

Но главным был сбор материалов по трипольской культуре. Он велся в музеях Москвы, Киева, Одессы, Херсона, Винницы, Каменца-Подольского, Умани, Тульчина, Остра. На Украине Татьяна Сергеевна впервые увидела и сами трипольские поселения.

Существует представление, что после Хвойки по-настоящему занялась Трипольем именно Пассек. Это не так. В 1920-х годах памятники этой культуры целеустремленно изучали украинские археологи. Н.Е. Макаренко исследовал Халепье и Евминку, М.Я. Рудинский — Кадиевцы, В.Е. Козловская — Веремье и Сушковку, С.С. Гамченко — Колодяжное, В.П. Безвенглинский — Владимировку и

Майданецкое, М.Ф. Болтенко — Усатово, П.П. Куринный — Томашевку и открытую Н.Ф. Беляшевским Борисовку. Итоги этих работ подведены в сборнике “Трипольська культура на Україні” (том I), вышедшем в Киеве в 1926 г. Здесь мы найдем статьи названных археологов, а также С.С. Магуры, В.М. Щербаковского и Л.Е. Чикаленко.

Таким образом, Пассек пришла отнюдь не на пустое место. В ее распоряжении оказался огромный материал. Заслуга ее не в том, что она его выявила, а в том, что она его обобщила и систематизировала, выделив определенные группы трипольских памятников. Шире, чем у украинских коллег, была использована иностранная литература.

Работа была завершена к концу 1920-х годов, защищена в 1931 г., но опубликовать ее хотя бы по частям, долго не удавалось. В 1926 г. на Археологическое совещание в Керчи был направлен первый доклад о Триполье, зачитанный Спицыным, но не напечатанный. Для сборника в честь Д.И. Багалея были предложены три статьи: о классификации трипольской керамики, южной группе Триполья и керамике из Евминок, но не издали и их. Из письма Пассек и Латынина к Тальгрёну видно, что все три работы были совместными (Судьба ученого, 2000. С. 67, 68). В “Трипольской керамике” доклад на конференции в Керчи также назван совместным (Passek, 1935. С. 164). Следовательно, вклад Латынина в первое большое исследование Пассек был велик.

В рукописном перечне печатных работ, сданном Пассек в дирекцию ИИМК, фигурирует ее одностраничная заметка в “Вестнике Одесской комиссии краеведения” 1925 г. (№ 2-3. С. 47) — самая ранняя ее публикация вообще и по Триполью в частности. В журнальный список она не вошла. Может быть, автор считал свой первый опыт несолидным.

В биографии Пассек 1963 г. и в некрологе 1969 г. говорится, что по окончании аспирантуры она стала работать в Академии искусствознания (ГАИС). В издании “Институт археологии. История и современность” сказано иначе: в 1924—1932 гг. Пассек работала в Государственной академии истории материальной культуры в Ленинграде (Мерперт, 2000. С. 186). И то и другое не совсем так.

С 1 января 1924 г. по 1 января 1931 г., т.е. ровно 7 лет, Пассек была научным сотрудником возглавляемого Н.Я. Марром Яфетического института, ставшего затем Институтом языка и мышления АН СССР. Поступил туда и Латынин. Сотрудничество с Марром и публикации в духе его “Нового учения о языке” после статьи Сталина “Марксизм и вопросы языкознания” (1950) были поставлены Пассек в вину, что заставило ее подправить биографию.

В 1925 г. Пассек и Латынин провели экспедицию в Чувашию, несомненно, связанную с идеей Марра о “чуваших-яфетидах на Волге”. По собранным этнографическим материалам написаны две заметки в “Яфетическом сборнике”. В сборниках к 45-летию научной деятельности и к 70-летию Марра помещены статьи Пассек о методах сравнения памятников материальной культуры и “Круг чувашских праздников”. В сборнике института “Тристан и Изольда” мы найдем статью Пассек и Латынина об отголосках этого сюжета в русской сказке.

Насколько органичным было сотрудничество Пассек с Марром? Думается, речь шла не просто о необходимости заработать кусок хлеба и стремлении найти покровителя среди ученых, поддерживаемых советской властью. В 1949 г. Татьяна Сергеевна говорила мне, что у Марра было очень интересно: все время новые идеи, новые люди, приезжающие со всех концов страны. В январе 1928 г. Пассек и Латынин писали Талгрону: “мы работаем у академика Марра... Наши интересы направлены... в сторону приложения яфетидологии как метода в истории материальной культуры и этнологии” (Судьба ученого, 2000. С. 68).

Работа друзей у Марра прекратилась почти одновременно. Латынин перешел в ГАИМК, где быстро выдвинулся, а Пассек переехала в Москву и поступила в ГАИС. Это было связано с тем, что она вышла замуж за художника и постановщика Художественного театра И.Я. Гремиславского.

Это судьбоносное решение, принятое Татьяной Сергеевной в 1930 г., могло быть обусловлено не только личными обстоятельствами. После “Года великого перелома” (1929) начался разгром гуманитарных наук в СССР. Шли аресты. Был выслан в Казахстан и навсегда исчез

принимавший Пассек и Латынина в Брянске С.С. Деев. В ГАИМК Латынину пришлось писать письмо Тальгрёну с осуждением его акций в защиту преследуемого властями акад. С.А. Жебелева. Показательно, что из девяти писем Латынина в архиве Тальгрёна это единственное, на котором нет подписи Пассек (Судьба ученого, 2000. С. 72, 73).

Сама Татьяна Сергеевна 1 ноября 1928 г. тоже была зачислена в ГАИМК по совместительству и проработала там 2 года, до 1 января 1931 г. В печатных изданиях академии этих лет ни одной статьи Пассек не появилось.

Служба в ГАИС, куда попала Пассек по переезде в Москву, продолжалась недолго. В 1932 г. археологический отдел был передан оттуда в ГАИМК в качестве его Московского отделения. Там — в ГАИМК, с 1937 г. — МОИИМК, с 1945 г. — в ИИМК и с 1956 г. — в ИА АН СССР и протекала вся дальнейшая научная деятельность Пассек. В отделе было человек десять. Татьяна Сергеевна вошла в новый коллектив, где у нее сложились дружеские отношения с А.В. Арциховским, С.В. Киселевым (и его женой Л. А. Евтюховой, работавшей тогда в Историческом музее), Б.Н. Граковым, А.А. Потаповым.

Первоначально Пассек занималась довольно случайными темами: в 1932-1934 гг. участвовала в археологических разведках в зоне строительства канала Москва-Волга, в 1933-1934 — в надзоре за строительством I очереди Московского метрополитена, опубликовала отчетные статьи по этим работам. Было в эти годы и совместительство — Пассек служила в Музее народоведения.

Любимая трипольская тема, не нашедшая еще отражения в печати, оставалась все же главной. Прежде всего надо было защитить “квалификационную работу” о керамике Триполья. История книги не так проста, как это выглядит в биографиях. Заниматься трипольской посудой Пассек начала, видимо, в 1924-1925 гг., когда была оставлена в университете для повышения квалификации, а тема мыслилась как систематизация материала из раскопок. Аспирантом ЛГУ Пассек стала

уже будучи сотрудницей Марра. В аспирантуру рекомендовал он, и тема была сформулирована иначе: “Орнамент керамики так называемой трипольской культуры и его анализ”. Упор делался скорее на семантику. Закончена работа была к концу 1928 г. т.е. в тот момент, когда факультет общественных наук ЛГУ был закрыт. Кафедра истории материальной культуры во главе с Б.Л. Богаевским (уже не археологии и не с Миллером) оказалась на факультете языка и материальной культуры (Ямфак). Богаевский почему-то тормозил обсуждение рукописи. Может быть, потому, что период был крайне острый, а может быть, видя в аспирантке конкурента. Защита состоялась только в 1931 г., когда Пассек жила уже в Москве (Архив ИА РАН. Ф. 11. № 72).

Издана работа была в 1935 г. отдельной книгой в серии “Известия ГАИМК” на французском языке. В начале 1930-х годов в ГАИМК поощрялись сочинения совсем другого плана — оторванные от конкретного материала социологические штудии. Ситуация изменилась после решений ЦК ВКП(б) о возобновлении преподавания истории в школе. Потребовались книги иного рода — фактологичные, в стиле традиционной науки. Тут в ГАИМК и вспомнили о диссертации Пассек и о монографии С.Н. Замятина, посвященной палеолитической стоянке Гагарино. Выход этих двух книг сделал имена авторов известными и уважаемыми среди зарубежных коллег.

Книга Пассек издана, по тем временам, хорошо. В ней более 160 стр. большого формата, 37 одноцветных таблиц и 4 цветных. В основе ее тщательное изучение форм и мотивов орнамента трипольской керамики. Волновавшие Марра проблемы семантики почти не затронуты. Это чисто археологический труд. Главное в нем — систематизация материала, выделение определенных территориальных и хронологических групп (стадии А, В, С).

В СССР книга была встречена по-разному. А.Я. Брюсов написал отрицательную рецензию, говоря о рецидиве буржуазного вещеведения, но ее не издали (хранится в фонде Пассек в архиве ИА). В Киеве ворчали, что Пассек “делает карьеру на костях украинских археологов”. Но работа была столь добротна, фундированна, что

оспаривать ее достоинства трудно. Авторитет тридцатидвухлетнего ученого заметно поднялся.

Это и изменение общей ситуации способствовали тому, что Татьяна Сергеевна наконец смогла приступить к полевым исследованиям трипольских поселений.

В биографии 1963 г. утверждается, что в 1934 г. Т.С. Пассек возглавила Трипольскую археологическую экспедицию, провела масштабные раскопки поселения Коломийщина I, доказала, что глинобитные площадки — остатки жилищ, впервые исследовала поселение широкой площадью, что позволило выявить его круговую планировку. В этом есть определенная неточность.

В 1920-х годах украинские археологи не хотели печатать у себя статьи молодых ленинградцев по Триполю, осмысляя этот круг памятников в рамках своей национальной школы. В 1933-1934 гг. произошел разгром гуманитарных наук на Украине. Исследователи Триполья Макаренко, Рудинский и Болтенко были репрессированы. Им ставился в вину украинский национализм. После этого киевским археологам пришлось пойти на сотрудничество с учеными из Ленинграда и Москвы.

Раскопки в Коломийщине начал еще в 1932 г. С.С. Магура. Ему помогали молодой археолог К.Ю. Коршак и аспирантка Н.Л. Кордаш. В 1934 г. решено было включить в экспедицию сотрудников ГАИМК Т.С. Пассек и Е.Ю. Кричевского (Магура, 1935. С. 104; Пассек, 1937. С. 223). Кричевский был моложе Пассек (род. в 1910 г.), но числился видным марксистским теоретиком, был членом ВКП(б) и действительным членом ГАИМК. Таким образом, говорить о Трипольской экспедиции во главе с Пассек для 1934-1936 гг. никак нельзя.

К тому времени у нее был не слишком большой полевой опыт. Раскопки курганов в Азербайджане, разведки под Брянском и Москвой, надзор при строительстве метро не могли помочь исследованию поселений с глинобитной архитектурой. Кричевский был человек

книжный, не имевший вкуса к полевой работе. Так что методику раскопок трипольских поселений Пассек, безусловно, восприняла у С.С. Магуры, не один сезон изучавшего трипольские памятники.

То, что площадки — это остатки жилищ, установили еще в 1912 г. А.А. Спицын и Н.Ф. Беляшевский в Колодистом. Вскрытие поселения широкой площадью с целью выявления его планировки для 1930-х годов действительно ново. Первый опыт в этом направлении сделал в 1930-1931 гг. немецкий археолог В. Бутлер на поселении культуры линейно-ленточной керамики Кельн-Линденталь. Кричевский пропагандировал этот метод, и в дальнейшем он был применен в Поднепровье на памятниках ранних земледельцев.

Раскопки Коломийщины I продолжались 7 лет, до 1938 г. Пассек и Кричевский раскапывали отдельные площадки. Подвести итоги экспедиции довелось уже не Магуре. В 1937 г. и он, и Коршак были арестованы и расстреляны. Упомянуть их имена в печати не разрешалось.

Винить в этом Пассек — составителя книги, где подведены итоги раскопок Коломийщины, — нельзя. Скорее надо благодарить тех, кто ввел в научный оборот материал, который мог погибнуть, как погибли огромные материалы экспедиции на Днепрострое.

Менее понятно, почему Пассек не вспоминала о Магуре после 1956 г. Видимо, это связано с тем, что репрессированные киевские археологи числились “украинскими националистами”, а борьба с национализмом продолжалась на Украине и при Хрущеве.

Так или иначе Пассек оказалась в 1937 г. в очень сложной ситуации. Есть два показательных момента. В 1937 г. Пассек неожиданно вернулась к раскопкам в Азербайджане, исследовав вместе с А.А. Потаповым Джафарханский могильник. Возможно, мелькала мысль оставить работы на Украине, оказавшиеся столь опасными.

В возникшем в 1937 г. журнале “Вестник древней истории” в 1938-1941 гг. появилось семь статей Пассек по трипольской тематике. Одна из них “О дилетантизме в науке” представляет собой резко отрицательную рецензию на книгу Б.Л. Богаевского “Орудия

производства и домашние животные Триполья”. Богаевский, антиковед по подготовке, человек сугубо книжный, зря взялся за занятия археологией. В его “Технике первобытно-коммунистического общества” и книге о Триполье много элементарных ошибок и надуманных построений. Татьяну Сергеевну, уже глубоко вникшую в проблематику, это раздражало. После перипетий с защитой диссертации отношения с Богаевским испортились. Все же тональность рецензии связана с чем-то более общим, не исключено, что с обострившейся политической ситуацией и судьбой ленинградских ученых. Исчез Латынин, и никто не знал, жив ли он. Надо было отмежеваться от одиозных людей. Богаевский, выпустивший свою “Технику” под редакцией и с предисловием Н.И. Бухарина, был одним из них.

Постепенно острота ситуации сгладилась. Новый директор Института археологии АН УССР бывший ленинградец Л.М. Славин просил Татьяну Сергеевну продолжить и возглавить исследования трипольских памятников на Украине. Статьи во ВДИ выходили. Не стоило отказываться от успешно начатой работы.

В 1940 г. в Киеве вышел толстый том “Трипольска культура”. Естественно было бы назвать его “Трипольска культура на Украше”, том II. Но слова “на Украине” опущены, а сборник имеет обозначение “том I” (второго не было и в этом случае). На фортидуле имена трех редакторов, в том числе Пассек. Несомненно, она и готовила том к печати. Тут есть статьи о поселениях Городск и Белый Камень, но они занимают менее 100 стр., а 460 — отведены Коломийщине. Пассек принадлежат общий отчет о раскопках 1934-1937 гг. (заметим — без 1932-1933) и статьи об изучении четырех площадок. Еще четыре описаны Кричевским, одна — Кордаш. Охарактеризовано 9 площадок, а всего на поселении раскопано 39. Судьба графических и рукописных материалов по площадкам, исследованным Магурой и Коршаком, а также результатов их работ 1932-1933 гг. неизвестна. Статьи Пассек не содержат каких-либо исторических выводов, но это хорошо проработанный экспедиционный материал, что в советских археологических публикациях тех лет было редкостью.

В 1940 г. в Киеве в АН УССР была проведена сессия и развернута выставка, посвященные трипольской культуре. Ее с интересом осмотрел наш великий биолог Н.И. Вавилов и получил на память книгу о Триполье. Вавилов ехал в экспедицию в Западную Украину. Там он был арестован.

Другим итогом работ Пассек по Триполью стала ее научно-популярная книга “Трипольская культура”, вышедшая на украинском языке в Киеве в 1941 г. Здесь обрисованы особенности хозяйства, быта, искусства Триполья. Любопытно, что столь обычных для работ тех лет социологических построений из арсенала ГАИМК: жилища — аналог общинных домов американских индейцев (по Л. Моргану), мотыжное земледелие, матриархат — здесь нет, нет и цитат из “классиков марксизма”.

В 1940 г. в Москве в Отделении общественных наук АН СССР состоялась сессия по этногенезу славян. В преддверии войны руководство страны обратилось к национальной идее. Среди выступавших была и Пассек, прочитавшая доклад о древнейшем населении Днепровско-Днестровского бассейна. Бегло коснувшись археологических и социологических аспектов темы, она сосредоточилась на этнической проблематике. Доклад вряд ли можно назвать удачным. Заметна оглядка на апробированные свыше фантастические построения Марра. Схематичные женские статуэтки расценены как вполне реалистичные изображения арменоидов.

Завершив работы в Коломыйщине I, Татьяна Сергеевна в 1939 г. исследовала поселения Коломыйщина II и перенесла раскопки на другой район — Южный Буг. В 1939-1940 гг. изучалась стоянка Владимировка, открытая директором Уманского музея В.Н. Безвенглинским.

В целом предвоенный период был для Пассек очень плодотворен. Возрождалась археология как наука. Можно было вести раскопки, печатать статьи и книги. Конечно, все, что происходило вокруг, тревожило: аресты, гибель друзей, надвигающаяся война.

Годы Отечественной войны Татьяна Сергеевна провела в Москве. В 1941 г. ее назначили ученым секретарем МОИИМК. Она регулярно писала о том, как идут дела, директору института М.И. Артамонову. По опубликованным отрывкам из писем видно, что в трудное время маленький коллектив сплотился, жил дружно и не прекращал научную работу (Платонова, 1991. С. 53-55).

С полей сражений приходили печальные вести. На фронте погибло много молодых археологов. Блокада Ленинграда унесла жизни Богаевского и Кричевского. Во Львове фашисты замучили в гестапо исследователя трипольского поселения Бильче Злоте О. Кандыбу. С отступающими оккупантами ушли из Киева Куринный, Козловская и Кордаш.

Татьяна Сергеевна осталась в сущности единственным в СССР специалистом по Триполью. Она взялась за подготовку обобщающей работы по этой культуре — будущей докторской диссертации.

В 1945 г. центр ИИМК был перенесен из Ленинграда в столицу. При напряженных отношениях московских и ленинградских археологов Пассек как ученому секретарю выпала важная роль. Учившаяся вместе с теми, кто в 1940-х годах составлял костяк ЛОИИМК, дружившая с Замятниным, Иессеном, Артамоновым, она отстаивала интересы питерцев в Москве и внушала им, что москвичи вовсе не хотят подавить своих коллег с берегов Невы. Умела ладить Пассек и с директорами института историками Б.Д. Грековым и А.Д. Удальцовым, не знавшими нужд археологов, находила любезный прием у президента Академии С.И. Вавилова и вице-президента В.П. Волгина. Очень помогала и поддержка С.В. Киселева — заместителя директора, а по сути дела руководителя института.

Тогда же Татьяне Сергеевне поручили издание “Кратких сообщений ИИМК”. Все археологи знают эти серо-голубые книжки, но мало кто помнит, каким событием стал выход первого после войны выпуска XII, какое значение имели эти тетради в 1940-1950-х годах. До появления журнала “Советская археология” КСИИМК были основным печатным органом советских археологов. С регулярностью журнала они выходили по четыре выпуска в год, оперативно отражали полевые открытия и новые исследования.

Сначала Пассек значилась заместителем редактора, а редактором — тот или иной директор. После XX съезда партии редактором мог стать и беспартийный. С 1958 г. (вып. 71) и до конца дней Татьяна Сергеевна — полноправный редактор. Последний выпуск КСИА, на котором стоит ее подпись, — 120 — вышел после ее смерти в 1969 г. За 23 года она подготовила 109 книжек — целую библиотеку.

Справиться с таким объемом работы в одиночку было невозможно. Редколлегия носила парадно-представительный характер. Помощников Татьяна Сергеевна нашла среди институтской молодежи. В подготовке выпусков по славяно-русской археологии помогал А.Л. Монгайт, по скифо-сарматской — А.И. Мелюкова, по первобытной — я. В 1952 г. удалось взять в штат на пост ответственного секретаря издания Т.Г. Оболдуеву — участницу экспедиций Латынина начала 1930-х годов в Среднюю Азию — бесконечно преданного ему человека.

Сама Пассек опубликовала в КСИИМК много статей, главным образом о работе своей экспедиции. В первый раз после войны Татьяна Сергеевна выехала на Украину в 1945 г., проведя разведки по р. Рось. В 1946-1947 гг. были продолжены довоенные раскопки Владимировки. В экспедициях подрастали ученики Пассек — специалисты по Триполью: Т.Д. Белановская из Ленинграда, Т.Г. Мовша из Киева,

студентка МГУ Е.К. Черныш, надолго ставшая для Татьяны Сергеевны близким человеком.

Итоги довоенных исследований по Триполью Пассек подвела в докладе на Всесоюзном археологическом совещании 1945 г. (изданы материалы к нему) и в монографии “Периодизация трипольских поселений”. 27 апреля 1947 г. эта работа была защищена как докторская диссертация. Оппонентами были А.В. Арциховский, С.В. Киселев и С.П. Толстов. В 1949 г. книга вышла в серии МИА (№ 10), а в 1950 награждена Сталинской премией.

Со времени выхода книги прошло более полувека. Что-то в ней устарело, но как добротная сводка сделанного за предшествовавшие 50 лет, она сохраняет свое значение. Периодизация, намеченная Пассек при изучении трипольской керамики, полностью сохранила свою силу. Выделены этапы Триполья А, В и С и поздняя усатовская группа памятников (гамма). Много внимания уделено типам и планировке поселений, домостроительству. Книга хорошо иллюстрирована (100 таблиц, хотя цветная среди них лишь одна).

Б.А. Латынин, выпущенный в 1944 г. по инвалидности из концлагеря и получивший, благодаря помощи И.И. Мещанинова, место в Сызранском музее, жадно читал недоступную для него около десяти лет научную литературу. Труд старого друга он оценил так: “Результат очень кропотливой в первую очередь регистрации вещевого материала, когда о нем составляется не “общее впечатление”, увы, еще очень обычное в наших археологических штудиях..., [а результат] особого рода археологической арифметики и энного количества трудодней адовой и упорной систематической и единообразной работы” (Судьба ученого, 2000. С. 113).

Это очень верно. Я знал большинство сверстников Пассек. Преобладали люди, увлеченные полевой работой, разведками и раскопками, но не любившие возиться с собранными коллекциями, часто оставлявшие их совсем не разобранными. Такие археологи писали о своих первых полевых впечатлениях о материале, публиковали рисунки двух-трех разовых находок, чем и ограничивались. Людей, умевших трудиться и в поле, на раскопках, и в камеральной лаборатории, день за днем перебирая коллекции и вдумываясь в них, в 1940-1950-х годах было меньше. И Пассек в этом отношении была на большой высоте.

Таких археологов тогда упрекали в узости, приземленности. Даже Латынин в цитированном письме к Оболдуевой говорит, что книга Пассек скучна: основные выводы были сделаны еще в 1920-1930-х годах. Читатель не найдет здесь широких обобщений, исторической картины. Автор этого остерегался. Раздел о происхождении и судьбах Триполья написан довольно невнятно. Сила работы не в этом.

Заговорив о Латынине, скажу о том, как сложились его отношения с Пассек в 1940-1960-х годах. На поселении он сразу же написал своим друзьям. Оболдуева откликнулась 18 марта 1945 г. Ответа же от Пассек, видимо, не было. 15 сентября 1945 г. Латынин справлялся о ней и судил о ее делах по публикациям (Судьба ученого, 2000. С. 76-84). В 1947 г. Латынин смог приехать в Москву. Тогда я его и увидел в обществе Татьяны Сергеевны. Должно быть, она не сразу решила, как вести себя с освобожденным, но все еще неполноправным старым товарищем. Позиция Мещанинова (в ту пору очень влиятельного, одного из немногих ученых, удостоенных звания Героя социалистического труда) показала, что, соблюдая осторожность, поддержать пораженного в правах коллегу можно. Пассек посылала ему в Сызрань продуктовые посылки, помогала денежно, способствовала защите его кандидатской диссертации в ИИМК. Свою старую работу о мировом древе (1933) Латынин защитил в 1948 г. Оппонентами были Т.С. Пассек и Б.А. Рыбаков.

Сразу после смерти Сталина директор Эрмитажа М.И. Артамонов взял Латынина в штат музея. Положение его улучшилось. И в 1956, 1957, 1959, 1960 гг. в КСИМК были опубликованы статьи Латынина.

1950 год — год награждения Сталинской премией — был апогеем в жизни Пассек. Однако в тот же год разразилась так называемая “Лингвистическая дискуссия”. После выступления Сталина марризм был осужден, и всем приверженцам его полагалось каяться. Среди московских археологов только Пассек работала непосредственно с Марром. Дирекция ИИМК требовала от нее статьи “О марровских ошибках в изучении трипольских племен”. И Татьяна Сергеевна, и ленинградские авторы тянули с подачей текстов. Сборник “Против вульгаризации марксизма в археологии” вышел уже после смерти Сталина, когда это в сущности перестало быть нужным. В статье Пассек критикует свой доклад 1940 г. о древнейшем населении Днепровско-Днестровского бассейна, а также работы Н.С. Державина, П.Н. Третьякова, Е.Ю. Кричевского, не затрагивая ни свой главный труд, ни старые статьи о чувашах и о Тристане и Изольде.

Неприятности преследовали и Гремиславского. Ему пришлось по сути дела расстаться с родным театром, перейдя на педагогическую работу. Далось это нелегко. Иван Яковлевич тяжело заболел и весной 1954 г. скончался.

Латынин, с увлечением вернувшийся к работе, не смог осуществить свои замыслы. Здоровье его было подорвано. После второго инсульта он стал полным инвалидом и в 1967 г. умер.

В 1962 г. не стало С.В. Киселева, всегда поддерживавшего Пассек. Она предполагала, что ей предложат освободившееся место заведующего сектором неолита и бронзового века ИА. Еще в 1951 г.,

когда Киселев получил пост в Президиуме АН СССР, стоял вопрос, что сектор передается Пассек. При его командировках в Китай она всегда замещала его. Но директор института Б.А. Рыбаков сделал заведующим сектором Е.И. Крупнова.

С 1957 г. стал выходить журнал “Советская археология”. Большинство специалистов предпочитали публиковаться там, а не в КСИА. Вначале Пассек была и в редколлегии СА, но в 1964 г. Рыбаков вывел ее из состава редколлегии, заменив тем же Крупновым.

Не берусь судить, чем определялось отношение Рыбакова к Пассек. Скорее всего в те годы, когда они познакомились, она не проявила к молодому археологу из чуждой ей среды должного уважения. В последние годы Татьяна Сергеевна опасалась, что Рыбаков предложит ей выйти на пенсию. Уверен, что Рыбаков этого не сделал бы. Но удержаться от того, чтобы ни унижить, оскорбить при случае нелюбимого человека он органически не мог.

Готовилась двенадцатитомная “История СССР”. Редактор первого тома — Рыбаков заказал статью о Триполье В.М. Массону: “Пассек может написать о черепках, а нужна история”. Подобные выпады безмерно травмировали Татьяну Сергеевну.

Чувствовала она и то, что былой монополизм в изучении Триполья утрачен. После присоединения к СССР Западной Украины на Днестр устремился С.Н. Бибиков, занимавшийся ранее каменным веком Крыма. Он раскопал поселение Лука Врублевецкая. Материал был для него незнакомый. Пытаясь в нем разобраться, Бибиков часто выдвигал сомнительные предположения. Поселение он объявил не трипольским, а дотрипольским, не земледельческим, а скотоводческим, не матриархальным, а патриархальным. Пассек это

очень нервировало, но вступать в открытую полемику с ним она не решилась.

Примерно то же произошло с книгой А.Я. Брюсова “Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху” (1952). В ней среди прочего сделана попытка пересмотреть выводы Пассек о Триполье. То, что ранние поселения связаны с Поднепровьем, а поздние с Поднепрорьем, свидетельствует о расселении трипольцев на восток, чего Пассек не уловила. Татьяне Сергеевне “Очерки” Брюсова не нравились, но дирекция ИИМК выдвинула их на Сталинскую премию и обязала Пассек и М.Е. Фосс напечатать положительные рецензии. С неохотой они это сделали, но премию Брюсову не присудили.

На Украине появилась группа людей, занявшихся Трипольем. Среди них были и дельные, но вверх рвался человек без научной подготовки и склонный ко всяческим фантазиям — В.Н. Даниленко. Стоял вопрос о защите им докторской диссертации. Пассек предложили стать оппонентом. Ей очень не хотелось, но согласие она дала. Смерть избавила ее от лишнего компромисса.

В начале 1960-х годов к Триполью в связи с поисками истоков славянского язычества обратился сам Рыбаков. Пользуясь консультациями сына-индолога, он стал расшифровывать семантику трипольского орнамента, исходя из мифологии древней Индии. Фантазий и здесь хватало. Чего стоят змеи, охранявшие трипольские посева! Спорить с подобными фантазиями Пассек не решалась.

Было бы, однако, ошибкой говорить о 1950—1960-х годах как о времени спада научной деятельности Пассек. Напротив, в двух отношениях ей удалось тогда заметно продвинуться вперед. Еще в 1947 г. Татьяна Сергеевна приняла предложение Молдавского филиала АН

СССР включить Молдавию в зону исследований Трипольской экспедиции. Сперва работы шли там параллельно с завершением раскопок Владимировки. Потом все силы были сосредоточены в Поднестровье.

Правобережье Днестра археологически было изучено слабо, а памятников ранних земледельцев здесь множество. За 1947-1965 гг. экспедиция исследовала такие выразительные памятники Триполья, как Бернова Лука, Солончены, Голерканы (стадия А), Поливанов яр (стадия В), Выхватинский могильник усатовского типа.

Еще важнее то, что удалось выявить памятники других раннеземледельческих культур, до того на территории СССР не известных. Интереснейшее поселение Флорешты, открытое в 1956 г., дало два слоя — нижний с линейно-ленточной керамикой и верхний — раннетрипольский. Поселения Болград в Одесской обл., Вулканешты и Озерное в Молдавии содержали комплексы культуры Гумельница.

В экспедиции участвовали давние помощники Пассек — Е.К. Черныш и А.И. Мелюкова и молодое поколение археологов — Н.К. Качалова, А. П. Погожева, Т.А. Попова, С.В. Студзицкая, В. С. Титов.

Итоги исследований Триполья на Днестре подведены в монографии Пассек “Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья” (МИА. 1959. № 84). Памятникам культуры линейно-ленточной керамики посвящен составленный вместе с Черныш выпуск серии САИ (1963. Б1-11). О других материалах увидели свет лишь предварительные сообщения. Наиболее важна статья “Новые открытия на территории СССР и вопросы поздненеолитических культур Дунайско-Днестровского междуречья” (СА. 1958. № 1).

По сравнению с публикациями 1930-1940-х годов эти труды отличаются гораздо более широким использованием зарубежной литературы.

После смерти Сталина железный занавес немного раздвинулся. Ученым стали предоставлять заграничные командировки. Находившиеся под советским протекторатом “страны народной демократии” оказались более доступными, чем страны “буржуазные”. И Татьяне Сергеевне удалось побывать в 1957 г. в Польше (с Б.А. Рыбаковым), в 1958 — в Румынии и Болгарии (с А.И. Мелюковой), в 1959 — в Чехословакии (с Н.Я. Мерпертом). Пассек руководила советско-румынским археологическим семинаром в Кишиневе в 1958 г. и в Бухаресте — в 1962. В 1962 г. вместе с Рыбаковым она участвовала в V конгрессе доисториков и протоисториков в Риме, где сделала доклад “Взаимоотношения между Западной и Восточной Европой в эпоху неолита”, а в 1963 г. как турист побывала в Париже.

Благодаря всему этому Татьяна Сергеевна познакомилась с рядом коллег, увидела много интересных для себя коллекций, смогла увязать собственные наблюдения с данными о культурах Центральной Европы. Зарубежные ученые в свою очередь убедились, что археологи СССР отнюдь не дикари: они целеустремленно работают, и со сделанным ими надо считаться.

И успешные раскопки на Днестре, и контакты с зарубежными коллегами сулили новый взлет в деятельности Пассек, но к середине 1960-х годов она была уже тяжело больна. Трипольская экспедиция продолжала работать под именем Пассек, но сама она выезжала в поле все реже и на все более короткие сроки. Раскопки вели Е.К. Черныш и В.С. Титов. Последний раз на Днестре Татьяна Сергеевна была в 1965 г.

В начале 1968 г. пришлось лечь в академическую больницу. Там 4 августа 1968 г. Татьяна Сергеевна скончалась. Она очень страдала физически и душевно. Надо было думать, как устроить жизнь беспомощной матери (ей суждено было пережить дочь менее чем на полгода). Прощание с покойной прошло в институте. Тело было кремировано, а урна с прахом захоронена в могиле И.Я. Гремиславского на Новодевичьем кладбище на участке МХАТ.

С научным наследием Пассек дело обстоит неважно. Среди ее бумаг, поступивших в архив ИА, нет не только личной переписки, но и научных материалов, полевой документации, картотек, фотографий, зарисовок, неопубликованных рукописей. Работы Трипольской экспедиции прекратились в 1987 г., когда дирекция вывела на пенсию Е.К. Черныш. Через год та же участь постигла занявшуюся Триполем в конце жизни Пассек А.П. Погожеву. В 1990 г. умер В.С. Титов. Материалы раскопок 1960-х годов, прежде всего во Флорештах, не были доведены до печати.

Центр изучения Триполья теперь уже не ИА РАН, а институты археологии Украины и Молдавии. Это, может быть, естественно, и все же жаль, что деятельность Пассек после ее смерти не нашла продолжения в Москве.

Как же видится эта деятельность сегодня — через 100 лет после рождения и 35 лет после смерти Пассек? Она была высококвалифицированный археолог, достойная ученица А.А. Спицына и А.А. Миллера. Именно археолог, а не “историк материальной культуры” в том значении, какое пропагандировалось в ГАИМК 1930-х годах. Небезынтересные, но слабо обоснованные социологические построения тех лет не пленили Татьяну Сергеевну. Она была приверженцем фактов, любила и умела работать и в поле, в экспедициях, и в камеральной лаборатории с материалами раскопок.

Это и дало долголетие ее трудам. Она типолог, мастер археологической классификации, что для советской археологии большая редкость.

Исторические построения Пассек не производят сейчас сильного впечатления. Пожалуй, не проявила она себя и в анализе трипольской глиняной пластики и орнаментики с точки зрения искусства.

Редким для ее времени было хорошее знание зарубежной литературы, умение работать на европейском научном уровне. Помимо выдающихся полевых открытий, методики раскопок поселений с глинобитной архитектурой нельзя забывать и о роли Пассек как редактора “Кратких сообщений”, долго остававшихся основным печатным органом наших археологов.

Ну а что касается человеческих слабостей, то Татьяна Сергеевна была наделена ими в той же мере, как и любой из нас. Многое определялось той эпохой, когда ей суждено было жить и работать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

[Евтюхова Л.А.] Памяти Татьяны Сергеевны Пассек // СА. 1969. №2.

Магура С.С. Дослідження т.зв. трипільської культури // Наукові записки Інституту історії матеріальної культури Української Академії Наук. Кн. Ї-А. Кшв, 1935.

Мерперт Н.Я. Пассек Татьяна Сергеевна // Институт археологии. История и современность. М., 2000. Научная деятельность Т.С. Пассек // КСИА. 1970. Вып. 123.

Пассек Т.С. Новые исследования в области трипольской культуры в СССР // СА. 1937. Т. III. Платонова Н.И. Институт истории

материальной культуры в годы Великой Отечественной войны // Археология и социальный прогресс. Вып. I. М., 1991.

Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Б.А. Латынина. СПб., 2000.

Черныш Е.К. К шестидесятилетию Татьяны Сергеевны Пассек // СА. 1963. № 3.

Passek T.S. La céramique Tripolienne // ИГ АИМК. 1935. Вып. 122.